

А. В. Коротаяев

ОТ ВОЖДЕСТВА К ПЛЕМЕНИ?
 НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ
 ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
 СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ЙЕМЕНА
 ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ *

В первом тысячелетии н. э. в Северо-Восточном Йемене система, состоящая из слабого государства в центре и сильных вождеств на периферии¹, по-видимому, трансформировалась в политический организм, состоящий из несколько более сильного государства в центре и собственно племен (но не вождеств)². Племена и государство в этой системе образовывали единое хорошо интегрированное целое³. Адекватный термин для обозначения подобной системы, кажется, отсутствует.

Возможно, здесь имело бы смысл предложить что-то типа мультиполития — от латинского *multi* «много», и древнегреческого *πολιτεία* «политическое устройство»; при этом я имел в виду, конечно, и широко употребляющийся в современной англоязычной политантропологии термин *polity*, образованный на основе вышеупомянутого греческого слова и использующийся в качестве родового по отношению к таким понятиям как «государство», «вождество», «суверенная община» и т. д., то есть для обозначения автономных политических систем любого типа. Термин этот (в форме *полития*) был бы, на мой взгляд, излишним и в терминологическом аппарате отечественной политантропологии. Мультиполитию я бы определил как высокоинтегрированную систему, состоящую из разнородных политий (скажем, из государства и вождеств, или государства и племен).

Как кажется, нет никаких оснований рассматривать мультиполитию как локально южноаравийский феномен. Вне Южной Аравии примеры мультиполитий североеменского типа («государство + племена») можно без труда найти, скажем, на Среднем и Ближнем Востоке в Новое время⁴; примеры мультиполитий среднесабейского типа («государство + вождества [+ „независимые“ общины]») можно найти на том же Ближнем и Среднем Востоке в Новое время (где заметная часть т. н. «племен» представляла собой вождества в терминологии Э. Сервиса⁵). Вне Ближнего Востока примером мультиполитии среднесабейского типа («государство + вождества») может служить, как кажется, королевство Бенин в некоторые периоды его истории⁶, а возможно, и некоторые другие западноафриканские королевства⁷. Двумя вышеуказанными типами все многообразие мультиполитий, очевидно, не исчерпывается; например, ни к одному из них не может быть отнесено такое политическое образование, как «государство святых» Центрального Атласа в Новое время, периферия которого состояла из племен, но центр которого не может быть охарактеризован ни как вождество, ни как государство, ни как племя⁸.

Необходимо оговориться, что, как и среднесабейская система (II—III века н. э.) средневековая североеменская политическая система наряду с государством и племенами (а, конечно, не вождествами как в среднесабейском случае) включала в себя и иные важные элементы. Здесь достаточно упомянуть хотя бы «религиозную аристократию», *саййидов* (*sayyid/sadah*), ведущих свое происхождение от пророка Мухаммада, и выполнявших в племенных районах наряду с прочим, скажем, важнейшие посреднические политические функции, не занимая вместе с тем, как правило, никаких формальных политических должностей и

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Научный проект «История цивилизаций Южной Аравии», № 94-06-1964).

оставаясь там вне племенной (и в большинстве случаев государственной) иерархии⁹. Как кажется, в средневековой северойеменской политической системе саййиды взяли на себя некоторые функции, с одной стороны, доисламской (или, точнее говоря, домонотеистической) системы храмовых центров, а с другой — кайлей [ˈqwl] (притом, что они — в отличие от кайлей, возглавлявших шабы [ˈs2ˈb] — практически никогда не выступали в качестве формальных политических лидеров отдельных северойеменских кабаил [qabaˈil]).

«Действительный источник политической власти находится у лидеров племен, которые никогда не смогут принять контроль со стороны равных себе. Решение этого *impasse* было выработано еще до ислама через эволюцию организации, образовавшейся вокруг священных анклавов, управляемых наследственной религиозной аристократией, уважаемой и защищаемой племенами»¹⁰.

Упомянутую выше трансформацию нет никаких оснований рассматривать как «дегенерацию» или «регресс», ибо в ее ходе не происходило потери сложности системы — одна сложная политическая система трансформировалась в структурно другую, но не менее сложную высокоорганизованную систему.

Необходимо все-таки еще раз подчеркнуть, что социально-политическая организация Северо-Восточного Йемена испытала еще до XX в. две радикальные трансформации: одну, в конце I-го тыс. до н. э., когда относительно развитое древнесабейское государство трансформировалось в политическую систему, состоящую из слабого государства в центре и сильных вожеств на периферии, и другую (являющуюся предметом данной работы), происшедшую во второй половине I-го тыс. н. э. и связанную прежде всего с генезисом развитой племенной организации у земледельческого населения Северо-Востока Йеменского Нагорья. В связи с этим представляется невозможным согласиться с известным высказыванием Р. Б. Саржента, утверждавшего, что «в Аравии до открытия нефти изначальные институты и фундаментальные структуры социального поведения практически не изменились с самых ранних исторических времен»¹¹. Вместе с тем, вполне уместными представляются предостережения П. Кроун (обращенные как раз к Р. Б. Саргенту) избегать при реконструкции социально-политических систем аравийцев доисламских времен каких-либо прямых аналогий с данными по традиционной социальной организации высоко развитого земледельческого населения аравийского Юга XIX—XX вв.¹²

Отмечу, что и исследователи традиционной социально-политической организации Хадрамаута (в достаточно значительной степени сходной с организацией населения йеменского Северо-Востока) пришли к выводу о ее относительно недавнем (XIII — XVI вв.) происхождении¹³.

Политическая организация йеменских кабаил относительно эгалитарна¹⁴. Она эгалитарна, конечно, прежде всего относительно доисламских сабейских вожеств (шабов второго порядка). На качественную разницу между положением шейхов современных северойеменских племен и кайлями среднесабейских шабов уже обращалось внимание К. Робэнном¹⁵. Действительно, если шейхи северойеменских племен это прежде всего «первые среди равных»¹⁶, то среднесабейских кайлей от рядовых членов шабов отделяла гигантская социальная дистанция. Например, отношение кайлей и их шаба передается в надписях через категории 'dm — 'mr', «зависимые — господа»; те же категории используются и для обозначения отношений между клиентами и патронами, подданными и царем, людьми и божествами (в надписи R 3910 форма единственного числа неопределенного состояния для 'dm [ˈbdm] использована даже для обозначения рабов, продававшихся на рынке сабейской столицы г. Мариба). В большинстве среднесабейских посвячительных надписей, поставленных рядовыми членами среднесабейских шабов, общинники просят божества даровать им благосклонность (hzu w-rdw) их господ, кайлей, а иногда даже просят защитить их от возможного гнева (glyt) господ.

Конечно же, подобный стиль отношений между лидерами и рядовыми членами политической системы кажется совершенно немыслимым для современных (и

средневековых) северорейменских племен. Примечательно, что термин *саййид* (*sayyid*) — «господин», еще в раннеисламский период употреблявшийся для обозначения глав племен¹⁷, в более позднее время полностью вытесняется на Севере Йемена заметно более нейтральным *shaykh* — «старец», в то время как обозначение *саййид* закрепляется за представителями «религиозной аристократии», находившейся в племенной зоне северорейменской мультиполитии в большинстве своем вне племенной организации, под защитой племен.

В целом, эгалитарность внутренней организации северорейменских племен (по крайней мере для этого тысячелетия) представляется вполне очевидной. Однако северорейменские племенные сообщества, взятые в целом, никак не могут быть признаны эгалитарными. Дело в том, что наряду с членами племен (составляющими большинство населения и основную массу пашенных земледельцев) в племенные сообщества включены многочисленные «квазикасты»¹⁸ невооруженного¹⁹ «слабого» населения (*du'afa'* — «слабые»), не входящего в племенную организацию, и находящегося «под защитой» племен: мясники и цирюльники (*mazayinah*), племенные «геральды» (*dawashin*), торговцы (*bauya'in*), огородники (*ghashshamin*), ремесленники, прежде всего ткачи (*sapi'in*), домашние слуги (*akhdam*), находившиеся в самом низу социальной иерархии, и т. д.; к «слабым» в племенной зоне традиционно относилось и еврейское население этих мест²⁰.

Справедливости ради надо подчеркнуть, что покровительство, оказываемое племенами «слабому» населению, не является лишь пустым словом. Неспособность племени защитить находящегося под его покровительством «слабого» (например, обеспечить ему получение компенсации за совершенное против него преступление) наносит сильнейший удар по репутации племени, при том что размер такой компенсации зачастую в четыре раза (а иногда, хотя и крайне редко, в одиннадцать раз) превышает компенсацию за подобное преступление, совершенное против члена племени²¹. Кроме того, «лицу с более высоким статусом запрещено притеснять *'anadil* (одно из обозначений «слабого» населения — А. К.) или издеваться над ними. Если такое случается, все общество встанет на сторону „слабых“ для того чтобы добиться справедливости от их притеснителя»²².

Общая картина социальной стратификации племенных сообществ Северного Йемена дополнительно осложняется и присутствием в них уже упоминавшихся выше *саййидов* и *кадийев* (*qudat* — «судей», знатоков священных книг, не ведущих своего происхождения от пророка). Те и другие в большинстве своем рассматривались в качестве находившихся под защитой племен и играли достаточно важную роль в функционировании этих сообществ²³.

Сами *саййиды* и *кадийи* считали свой статус более высоким, чем статус членов племен, однако нет никаких оснований считать их господствующим, доминирующим слоем северорейменских племенных сообществ²⁴. Монополией на легитимное применение насилия здесь обладали все-таки племена (вернее даже их члены), а не *саййиды*. Несмотря на высочайший авторитет и репутацию *саййидов*, политическими лидерами были не они, а шейхи. Им же самим удавалось стать шейхами крайне редко, да большинство *саййидов* к этому, как кажется, и не стремилось; по наблюдениям П. Дреша, «нет оснований для того, чтобы *саййид* не мог быть также и шейхом, хотя такое и бывает крайне редко»²⁵. В этом плане взаимоотношения между *саййидами* и членами северорейменских племен несколько напоминают отношения между брахманами и кшатриями в древней Индии²⁶. При этом достаточно очевидно, что присутствие в северорейменской племенной зоне групп *саййидов*, пользовавшихся в племенах высоким авторитетом (хотя, как правило, и не господствовавших над ними), должно было служить существенным фактором интеграции северорейменской мультиполитии, государственный центр которой возглавлялся на протяжении большей части последнего тысячелетия *зейдитскими* имамами²⁷ — представителями «религиозной аристократии» (*саййидов*).

«Неплеменные квазикасты» северорейменских племенных сообществ включали в себя меньшинство их населения: «За пределами немногочисленных городов

... число представителей „слабого“ населения невелико, две-три семьи на деревню, состоящую из тридцати семей членов племен, не есть что-то необычное»²⁸, однако принимать их в расчет, конечно, нужно, ибо во многом благодаря именно им северорейменский племенной мир и представлял собой то, чем он был, — достаточно сложную высокоорганизованную (и совершенно «непервобытную») систему, вполне сравнимую по своей сложности с сопоставимыми по численности включаемого населения доиндустриальными государственно организованными системами (например, культурно-политическими системами йеменского Южного Нагорья).

Понятие «племя» в том виде, как оно употребляется социальными антропологами при описании социально-политической организации северных йеменцев (или, скажем, многих сообществ Атласа, Киренаики или Афганистана) в XIX—XX в., представляется вполне уместным, ибо оно здесь обозначает достаточно определенную форму надобщинной политической организации, которая, как кажется, не может быть адекватно обозначена никакими иными принятыми в современной науке терминами, такими как «вождество», и тем более «государство» или «община». Мы можем наблюдать здесь такой вид политической организации, когда функционирование устойчивых форм межобщинной интеграции осуществляется без монополизации соответствующими внутриплеменными структурами легитимного применения насилия, без приобретения ими формальной власти над общинами и общинниками, когда, скажем, конфликты разрешаются (либо коллективные «общеплеменные» акции предпринимаются) не через обязательные к исполнению решения облаченных властью должностных лиц, а через поиск консенсуса лидерами всех заинтересованных членов племени (или племен)²⁹, лишенными формальной, абсолютной (безотносительной к их личным качествам) власти.

Во многих отношениях племя северорейменского типа представляется достаточно высокоразвитой формой политической организации, вполне сопоставимой по своей сложности с вождеством (и уж ни в коем случае не более примитивной, чем вождество), предполагающей прежде всего высочайший уровень развития политической культуры и существование изоцированной системы политических институтов и традиций третейского суда, посредничества, поиска консенсуса и т. д., разветвленной сети интенсивных межобщинных связей на обширных территориях, населенных десятками и сотнями тысяч человек, организующей (без применения централизованного насилия) все эти массы населения, нередко, кстати, многократно, более, чем на порядок, превосходящие население среднего вождества. Т. Эрл, например, определяет вождество как «политику, которая централизованно организует население региона, исчисляемое тысячами»³⁰. Между тем, среднее северорейменское племя включает в себя 20—20 тысяч человек³¹, а такая достаточно интегрированная северорейменская племенная конфедерация как Хашид состоит из 7 племен³². Здесь не нужно, конечно, забывать и о десятках тысяч членов «слабых квазикаст» (а также не столь уж малочисленных саййидов и кадийев), не входящих формально в племена, но также в определенной степени организуемых племенными структурами (гарантирующими и обеспечивающими, например, безопасность городов, рынков, религиозных центров и т. д.).

В результате масса населения, в той или иной степени организуемого племенной конфедерацией Хашид, оказывается кардинально (на 1—2 порядка!) превышающей соответствующие показатели для среднего вождества. Не будем забывать и про способность племенной организации такого типа образовывать совместно с политиями иного рода (при этом, не обязательно государством)³³ политические системы, мультиполитии, еще на порядок более высокого уровня сложности.

Как кажется, именно такая политическая структура может быть с наибольшими основаниями обозначена как племя (в политическом, а не в этническом смысле этого понятия). Племенем нельзя назвать слабоорганизованные совокупности первобытных локальных групп или такие социально-политические

образования, которые вполне адекватно могут быть обозначены как «общины» или «вождества». Множество примеров такого неудачного употребления понятия «племя» (tribe) приводится, скажем, М. Фридом³⁴. Среднесабейские надобщинные объединения (I—IV вв. н. э.), шабь второго порядка³⁵, могут быть с наибольшими основаниями в данной системе терминов обозначены как «вождества» (ср. классические определения вождества и племени, данные Э. Сервисом³⁶). Собственно племенная организация отсутствовала в сабейском культурном ареале доисламской эпохи³⁷. Именно поэтому, на мой взгляд, и имеет смысл говорить о трансформации вождеств в племена в районе «сабейского» Нагорья в раннеисламскую эпоху.

Вывод о том, что племя может быть непервобытной, достаточно поздней формой политической организации трудно назвать сколько-нибудь новым. Действительно, как известно, к близкому выводу уже достаточно давно пришел М. Фрид³⁸, утверждавший, что племя³⁹ является непервобытной формой политической организации, возникающей достаточно поздно как результат «структурирующего» воздействия уже возникших государственных систем на «неструктурированные» массивы независимых общин.

Полностью соглашаясь со взглядом М. Фрида на племя как на непервобытную позднюю форму политической организации, можно вместе с тем, опираясь на южноаравийские материалы, предположить, что племенная организация может возникать и иным путем, скажем, в результате трансформации вождеств. Вообще М. Фрид, на мой взгляд, несколько абсолютизировал здесь роль «структурирующего воздействия» государства, полностью проигнорировав изучение внутренних тенденций эволюции негосударственных политических систем, ведущих к сложению племенной организации.

Конечно, нет никаких оснований рассматривать племенную организацию Северного Нагорья как результат структурирующего воздействия государств на неструктурированное первобытное население. Существенное воздействие на генезис племенной организации оказали скорее арабские племена Центральной Аравии, в тесном контакте с которыми данный ареал находился на протяжении всей поздней доисламской и раннеисламской его истории⁴⁰.

Все-таки, хотя существенное воздействие североаравийских племен на формирование «племенного этоса» в данном ареале особых сомнений не вызывает (подробнее об этом см. ниже), некоторые из вышеупомянутых авторов (прежде всего М. Б. Пиотровский, Ж. Шелход и К. Робэн), на мой взгляд, несколько недооценивают значение здесь внутренней логики эволюции данного ареала⁴¹. Генезис североаравийской племенной организации, на мой взгляд, явился прежде всего реализацией общей тенденции к «эгалитаризации», наблюдающейся в данном ареале еще с конца I тыс. до н. э., результатом долгих поисков земледельческим населением Северного Нагорья оптимальных для этого региона форм социально-политической организации.

Тенденции к «эгалитаризации» начинают прослеживаться в данном регионе достаточно рано. Скажем, если в древний период сабейской истории (I тыс. до н. э.) недвижимое имущество рассматривается в качестве собственности главы большесемейной общины (поэтому оно обозначается как имущество, принадлежащее «ему» /-hw/⁴²), то в средний период (I—IV вв. н. э.) такое имущество уже начинает рассматриваться как собственность всего родового ядра большесемейной общины и, соответственно, мы встречаем в среднесабейских надписях, даже поставленных индивидуальными авторами, упоминание только «их» [-hmtw] недвижимости, но практически никогда не «его» [-hw]⁴³. На мой взгляд, это может рассматриваться как результат некоторой «демократизации» внутренней организации сабейских большесемейных общин.

Становление племенной организации на Северном Нагорье в раннеисламскую эпоху, по-видимому, сопровождалось дальнейшей «демократизацией» поземельных отношений, правда, достаточно примечательным путем, через высочайшую индивидуализацию поземельных отношений⁴⁴. Как кажется, поземельные отно-

шения прошли в данном ареале путь от собственности глав большесемейных общин на семейные земли в Древнесабейский период (I тыс. до н. э.) к коллективной собственности на землю родовых групп в Средний период (I—IV вв. н. э.) и далее (возможно, не без некоторого влияния шариата) к индивидуальной собственности на землю всех совершеннолетних членов родовых групп (права женщин на землю, правда, требуют некоторых существенных оговорок, для которых здесь нет места)⁴⁵.

Последняя трансформация, кстати, неплохо сочеталась со становлением племенной организации и общей эгалитаризацией политической системы, ибо подобный строй поземельных отношений эффективно блокировал возрождение чего-либо похожего на могущественные кланы кайлей с их гигантскими недробимыми земельными владениями.

Вообще достаточно примечательным представляется то обстоятельство, что становление племенной организации на Северном Нагорье, как кажется, сопровождалось ощутимым ослаблением «экономической общины»: среднесабейские надписи, авторы которых постоянно упоминают помощь общины в их хозяйственной деятельности, находятся в разительном контрасте с описаниями системы экономических связей на «племенном» йеменском Севере, с характерным для нее крайне низким уровнем внутриобщинной экономической кооперации: «В настоящее время отсутствие взаимной поддержки на практике, возможно, не является столь выраженным как в прошлом, но все равно оно достаточно ощутимо. Соседи, занимающие смежные дома или обрабатывающие соседние участки, могут нехотя помочь друг другу в случае крайней нужды... Сосед может помочь другому поправить стену террасированного поля, если его собственное поле подвергается риску (от возможного обвала.— А. К.); иначе он вряд ли окажет серьезную помощь»⁴⁶.

Крайне показательно, что с переходом от Древнесабейского периода (I тыс. до н. э.) к Среднесабейскому (I—IV вв. н. э.) трансформация, в чем-то похожая на ту, что засвидетельствована для поземельных отношений, произошла и с титулом *каиль*: если в Древний период это был в основном индивидуальный титул, принадлежащий отдельным лицам, то в Средний период в сабейском культурно-политическом ареале (но не на химйаритском юге!), он начинает в основном рассматриваться как принадлежность целых кайльских родов, а не его отдельных представителей⁴⁷. Несмотря на сохранение гигантской социальной дистанции между кайльскими родами и рядовой массой членов среднесабейских ша'бов, данная эволюция вполне может рассматриваться как шаг в сторону северойеменской племенной модели⁴⁸.

Необходимо упомянуть и достаточно демократическую организацию среднесабейских (I—IV века н. э.) локальных общин, ша'бов третьего порядка, демонстрирующую явные черты сходства с общинной организацией поздних обитателей Северного Нагорья⁴⁹. Генезис северойеменской племенной организации вполне может рассматриваться и как распространение достаточно демократичных принципов среднесабейской общинной организации на надобщинный уровень (соответствующий уровню среднесабейского ша'ба второго порядка).

Генезис северойеменской племенной организации вполне может рассматриваться и как результат продолжительной борьбы основного земледельческого населения Северного Нагорья за повышение своего социального статуса. Борьба эта была в основном, как кажется, достаточно «тихой», и поэтому довольно редко фиксировалась историческими источниками⁵⁰. В любом случае, имеются некоторые основания предполагать, что основная масса земледельческого населения йеменского Северного Нагорья воспользовалась политической неразберихой раннеисламской эпохи для ощутимого повышения своего статуса.

Определенную роль в становлении высокостатусного «племенного» земледельческого населения все-таки несомненно сыграло и уже упоминавшееся выше влияние политической культуры североаравийских племен. Как кажется, их заметный вклад заключается в том, что они принесли на юг Аравии «генеалогичес-

кую культуру». Древние южноаравийские общины были ша'бами, подчеркнуто территориальными сообществами, не располагавшими сколько-нибудь разработанными генеалогиями⁵¹.

В раннеисламскую эпоху под влиянием культуры североаравийских племен, приобретшей в мусульманском мире высокий статус, южноаравийские ша'бы, продолжая оставаться в основе своей территориальными, трансформировались в каба'илы, племена, построенные формально по генеалогическому признаку.

Данная трансформация явилась во многом результатом упорного труда южноаравийцев по разработке своих собственных генеалогий, а также их не менее упорной (и вполне успешной) борьбы за признание этих генеалогий арабским миром и, следовательно, за интеграцию на довольно высоких позициях в арабский этнос, господствовавший в раннеисламском государстве (VII — середина VIII в.)⁵².

В результате, основная часть земледельческого населения Северного Нагорья оказалась обладательницей глубоких, древних (и вполне «добротных» даже с точки зрения северных арабов) генеалогий, что создавало неплохую идеологическую основу для борьбы этого населения за сохранение своего высокого статуса. «Генеалогическая идеология» (представление племен и их конфедераций в качестве потомков эпонимных предков, находящихся между собой в определенных родственных отношениях) оказалась прекрасной основой и для развития племенной политической культуры. Она помогала налаживанию механизмов гибкого взаимодействия между племенными общностями разных уровней.

С другой стороны, ощутимый упадок государственных структур (а также политической системы вождеств) после относительно краткого периода укрепления государственной организации на юге Аравии в самом начале исламской эпохи поставил население Северного Нагорья перед необходимостью защищать себя самому. Ответом на этот вызов во многом и был генезис племенной организации (для чего в ареале уже имелись определенные предпосылки). Сложившаяся же племенная организация оказалась во многих отношениях столь эффективной, что вплоть до самого последнего времени вполне успешно сопротивлялась всем поползновениям периодически укреплявшихся на юге Аравии государственных центров ее ликвидировать или кардинально ослабить.

Результатом взаимодействия в исламскую эпоху племенной и государственной организации на Северном Нагорье явились не подрыв или ликвидация племенных структур, а становление северорейемской мультиполитии. В рамках этой мультиполитии, хотя взаимоотношения между ее государственным центром, созданным зейдитскими имамами⁵³, и племенной периферией были отнюдь не безконфликтными, оказалось достигнуто определенное равновесие, были (вполне неформальным образом) «разграничены полномочия» между двумя ее основными составляющими, разработаны во многом вполне взаимовыгодные «правила игры».

Заметную роль в сохранении северорейемской племенной организации сыграли, конечно, и географические условия Северного Нагорья. С одной стороны, крайне пересеченный рельеф ареала ощутимо помогал племенам бороться за сохранение своей автономии⁵⁴. С другой стороны, ограниченный экономический потенциал скудного и засушливого Северного Нагорья⁵⁵ не создавал достаточно мощных стимулов, которые бы могли заставить государственные центры с необходимой настойчивостью бороться за полное подчинение ареала, а также затруднял развитие внутреннего расслоения племен Нагорья. Превращение воинственных и независимых членов горских племен в массу послушных крестьян, обычных налогоплательщиков требовало от государств колоссальных усилий, обещавших принести лишь крайне ограниченный экономический эффект. Более влажное и плодородное Южное Нагорье с менее пересеченным рельефом было в этом отношении несравненно привлекательнее.

Таким образом, племенная организация, как кажется, достаточно неплохо соответствовала географическим условиям Северного Нагорья и в том отношении, что она объективно защищала крайне скудную и неустойчивую хозяйственно-экологическую среду ареала от перенапряжения через обеспечение крайне

экономичного производства прибавочного продукта, прежде всего препятствуя чрезмерному обложению земледельцев какими-либо налогами и поборами⁵⁶, блокируя развитие чрезмерного паразитического или престижного потребления элит, и вместе с тем давая возможность существовать достаточно сложному и развитому сообществу. В целом, племенная организация, возможно, представляла собой едва ли не единственную политическую форму, которая могла позволить в доиндустриальном мире устойчиво воспроизводиться сложным высокоорганизованным сообществам в крайне бедной и неустойчивой хозяйственно-экологической среде йеменского Северовосточного Нагорья. Как замечает П. Дреш, земля Хашид и Бакил не может дать адекватной экономической основы для сколько-нибудь развитого эксплуататорского класса⁵⁷. Я бы даже сказал, что в доиндустриальных условиях социально-экономическая система ареала должна была быть избавлена от сколько-нибудь развитого эксплуататорского класса (заставлявшего бы земледельцев ареала производить избыточные количества прибавочного продукта) для того, чтобы стать устойчивой и не вызывать постоянные социально-экологические кризисы или деградировать.

По-видимому, для определенных стадий социальной эволюции племенную организацию имеет смысл рассматривать как некоторую (хотя и достаточно ограниченную по своему эволюционному потенциалу) альтернативу государству (и вождеству) скорее, чем как догосударственную (и тем более «довождескую») форму политической организации; при этом племя североеменского типа выглядит формой политической организации, в некоторых отношениях более развитой, чем вождество. Племя является скорее «парагосударственной», чем «догосударственной» социально-политической формой. В любом случае, как кажется, нет никаких оснований рассматривать в качестве «первобытной» (хотя бы даже и «пережиточно первобытной») родоплеменную организацию, свойственную части населения Ближнего и Среднего Востока, сложившуюся (как и государства этого региона) в результате долгого «постпервобытного» исторического развития как особый (и достаточно эффективный) вариант социально-политической адаптации достаточно высокоразвитых сообществ к определенной естественной и социоисторической среде.

Отмечу, что к сходным в своей основе выводам пришел выдающийся британский социантрополог П. Дреш: «Что касается трайбализма, любой образованный человек должен знать, что сложные высокоразвитые общества в течение многих веков самоорганизовывались без сложного правительственного и административного аппарата, который мы обычно считаем чем-то само собой разумеющимся. Наши обычные теории общества и государства, заимствованные у Гоббса или Руссо или кого-то еще, являются, таким образом, неполными, и в этом отношении трайбализм того типа, который мы находим в Йемене, может всех нас кое-чему научить — он может дать нам уроки политической философии»⁵⁸.

Вывод этот, кстати, отнюдь не нов и в отечественной литературе. Так, скажем, «непервобытность» родоплеменной организации афганцев вполне убедительно продемонстрировал А. Д. Давыдов⁵⁹. Этот исследователь, впрочем, последовательно ставит в своей работе понятия «род» и «племя» в кавычки как раз для того, чтобы подчеркнуть «непервобытность» традиционных форм социально-политической организации афганцев, что представляется несколько излишним, ибо развитые формы родоплеменной организации свойственны как раз скорее сложным постпервобытным аграрным обществам, а не первобытному миру⁶⁰. Развитая родоплеменная организация вообще, как кажется, не должна рассматриваться в качестве признака первобытности.

Примечания

¹ Эта система, по-видимому, существовала в сабейском культурно-политическом ареале во II—III вв. н. э. См.: *Korotayev A. V.* Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н. э.—IV в. н. э.)/Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, постстарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля. М., 1993. С. 295—320; *Korotayev A.* Middle Sabaean Cultural-Political Area: Qayls and their Tribesmen, Clients and Maqtawis//Acta Orientalia. 1995. № 56. P. 39—54 и т. д.

² См., например: *Пиотровский М. Б.* Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М., 1985; *Robin C.* Esquisse d'une histoire de l'organisation tribale en Arabie du Sud antique//La peninsule Arabique d'aujourd'hui. T. II. Etudes par pays. P., 1982. P. 17—30; *Dresch P.* Tribes, Government, and History in Yemen. Oxford, 1989. P. 191. В Южном (бывшем Химйаритском) ареале продолжали существовать (и развиваться) достаточно регулярные государственные структуры (см., например: *Dresch P.* Op. cit. P. 8—15, 140—145, 192; *Stookey R. W.* Yemen. The politics of the Yemen Arab Republic. Boulder, Colorado, 1978. P. 50, 124). Подчеркну, что государственная организация в районе Южного Нагорья была ощутимо сильнее и регулярнее, чем на Севере уже во II—III вв. н. э. См., например: *Bafaqih M. A.*, *Robin C.* Ahammiyyat nuqsh Jabal al-Mi'sal//Raydan. 1980. № 3. S. 15; *Robin C.* Les inscriptions d'al-Mi'sal et la chronologie de l'Arabie meridionale au III-e siecle de l'ere chretienne//Academie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus... 1981. P. 338; *Bafaqih M. A.* Muhtawa naqsh al-Mi'sal 5//Raydan. 1994. № 6. S. 57—77; *Korotayev A.* Ancient Yemen; Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and Sabaean Culture. Oxford, 1995. На Севере в этот период была заметно более сильная родовая организация.

³ *Пиотровский М. Б.* Указ. раб. С. 70, 97—100; *Герасимов О. Г.* Йеменские документы. М., 1987. С. 45—55; *Stookey R. W.* Op. cit. P. 79—95, 171—173, *Abu Ghanim F. A.* A. Al-bunyah al-qabaliyyah fi l-Yaman bayna l-istimrar wa-l-taghayyur. Dimashq, 1985. S. 98—138; *idem.* Al-qabilah wa-l-dawlah fi l-Yaman. al-Qahira, 1990; *Bruck G. vom.* Reconciliation ambigue: une perspective anthropologique sur le concept de la violence legitime dans l'imamat dy Yemen//La violence et l'etat. P., 1993. P. 85—113.

⁴ См., например: *Иванов Н. А.* Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в.//Арабские страны. История. М., 1963. С. 152—192; *Evans-Pritchard E. E.* The Sanusi of Cyrenaica. L., 1949; The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan. L., 1983; *Al-Rasheed M.* The Rashidi Dynasty: Political Centralization among the Shammar of North Arabia//New Arabian Studies. 1994. № 2. P. 140—152 и т. д.

⁵ *Service E. R.* Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. 2-nd ed., N. Y., 1971. P. 144; *Johnson A. W.*, *Earle T.* The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State. Stanford, California, 1987. P. 238—243 и др.

⁶ *Бондаренко Д. М.* Возжества в доколониальном Бенине//Ранние формы политической организации. М., 1995; *Bondarenko D. M.* Precolonial Benin: Man, Society, Authority and the Structure of the Socium//State, City and Society. New Delhi, 1994. P. 1—10.

⁷ *Service E. R.* Op. cit. P. 144.

⁸ *Gellner E.* Saints of the Atlas. L., 1969.

⁹ *Serjeant R. B.* South Arabia//Commoners, Climbers and Notables. Leiden, 1977. P. 236—239; *Chelhod J.* L'Organisation sociale au Yemen//L'Ethnographie. 1970. № 64. P. 61—86; *idem.* Social Organization in Yemen//Dirasat Yamaniyyah. 1979. № 3. P. 58 f.; *Stookey R. W.* Op. cit. P. 95; *Dresch P.* Op. cit. P. 140—145; *Abu Ghanim F. A.* A. Al-bunyah al-qabaliyyah... С. 212—227; *idem.* Al-qabilah wa-l-dawlah fi l-Yaman.

¹⁰ *Serjeant R. B.* Op. cit. P. 244.

¹¹ *Serjeant R. B.* Haram and hawtah, the Sacred Enclave in Arabia//Melanges Taha Husain. Cairo, 1962. P. 41. См. также: *idem.* South Arabia. P. 226.

¹² *Crone P.* Meccan Trade and the Rise of Islam. Oxford, 1987. P. 185—190; *idem.* Serjeant and Meccan Trade//Arabica. 1992. № 39. P. 223—234.

¹³ *Родионов М. А.* Можно ли отменить социальные страты? Уроки Хадрамаута//Ранние формы социальной стратификации... С. 321; *его же.* Этнография Западного Хадрамаута: общее и локальное в этнической культуре. М., 1994. С. 43.

¹⁴ Настоящее время, используемое в описании традиционной социально-политической организации племен Северо-Восточного Йемена, является, конечно, историческим и соответствует в основном ситуации до 1962 г.

¹⁵ *Robin C.* Les hautes terres du Nord-Yemen avant l'Islam. Istanbul, 1982. V. I. P. 83—85.

¹⁶ *Dresch P.* The Position of Shaykhs among the Northern Tribes of Yemen//Man. 1984. № 19. P. 31—49; *idem.* Tribes... P. 38—116; *Serjeant R. B.* South Arabia. P. 236; *Abu Ghanim F. A.* A. Al-bunyah al-qabaliyyah... S. 115—133, 209—212, 259—266.

¹⁷ *Пиотровский М. Б.* Указ. раб. С. 77; *Dresch P.* Tribes... P. 169, 191—192.

¹⁸ На определенное сходство традиционных систем социальной стратификации Южной Аравии и Индии уже обращалось внимание. См., например: *Chelhod J.* L'Organisation sociale... P. 83; *idem.* Social Organization in Yemen. P. 59. Вместе с тем отмечаются и некоторые существенные различия между двумя данными системами социокультурной стратификации. См.: *Родионов М. А.* Этнография... С. 42; *Chelhod J.* L'Organisation sociale... P. 83; *idem.* Social Organization in Yemen. P. 59; *idem.* Les structures sociales et familiales. P. 33; *Dresch P.* Tribes... P. 153).

¹⁹ Не считая традиционного йеменского кинжала, *джамбийи*, который носит даже большинство «слабых». Последние обязаны носить его с левой стороны в отличие от членов племен (*qabiliyyin*), которые носят его на поясе посередине (*Chelhod J.* L'Organisation sociale... P. 75; *idem.* Social Organization in Yemen. P. 55; *Stevenson T. B.* Social Change in a Yemeni Highlands City. Salt Lake City, 1985. P. 44; *Dresch P.*

Tribes... P. 38, 120; *Bruck G. vom. Op. cit. P. 92—93*). Единственное исключение здесь составляет достаточно специфическая «слабая» квазикаста, *dawashin* (племенные «геральды»), представители которой носят свои джамбийи так же, как и члены племен (*Dresch P. Tribes... P. 120*). Кроме того, они традиционны носили копыя (*ibid. P. 406*).

²⁰ *Пиотровский М. Б.* Указ. раб. С. 64, 87; *Serjeant R. B. South Arabia. P. 230—235; Chelhod J. L'Organisation sociale... P. 63, 73—80, 83—84; idem. Social Organization in Yemen. P. 48, 54—57; idem. Les structures sociales et familiales. P. 15—37; Dresch P. Tribes... P. 117—123; Stevenson T. B. Op. cit. P. 42—47, 63 f.; Abu Ghanim F. A. Al-bunyah al-qabaliyyah... P. 234—249 и т. д.*

Становление данной системы квазикаст, по-видимому, относится к XII—XIV вв. (*Пиотровский М. Б.* Указ. раб. С. 87). Описание во многом сходной системы «квазикаст» в Хадрамауте см., например, в книге: *Наумкин В. В.* Национальный фронт в борьбе за независимость Южного Йемена и национальную демократию. М., 1980. С. 23; *Родионов М. А.* Можно ли отменить социальные страты? С. 321—327; *его же.* Этнография Западного Хадрамаута. С. 21—29; *Bujra A. S. The Politics of Stratification (A Study of Political Change in South Arabian Town)*. Oxford, 1971. P. 13—53.

²¹ *Goitein S. D. Travels in Yemen. An Account of Joseph HALEVY's Journey to Najran in the Year 1870 written in San'ani Arabic by his Guide Hayyim Habshush. Jerusalem, 1941. P. 39; Dresch P. Tribes... P. 118, 407.*

²² *Chelhod J. Social Organization in Yemen. P. 55; см. также, например, Stevenson T. B. Op. cit. P. 44.*

²³ *Пиотровский М. Б.* Указ. раб. С. 65, 87, 101; *Serjeant R. B. South Arabia. P. 236—239; Chelhod J. L'Organisation sociale...; idem. Social Organization in Yemen. P. 58 f.; Dresch P. Tribes... P. 136—157; Abu Ghanim F. A. Al-bunyah al-qabaliyyah... C. 212—227; idem. Al-qabilah wa-l-dawlah fi l-Yaman.*

²⁴ См., например: *Dresch P. Tribes... P. 136—157.*

²⁵ *Ibid. P. 156.*

²⁶ Ср. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985. С. 301—304.

²⁷ См. *Chelhod J. Les structures sociales et familiales. P. 26—29; Stookey R. W. Op. cit. P. 95, 149—155; Dresch P. Imams and Tribes: The Writing and Acting of History in Upper Yemen//Tribes and State Formation in the Middle East. L., 1991. P. 257 и т. д.*

²⁸ *Dresch P. Tribes... P. 123.*

²⁹ *Chelhod J. L'Organisation sociale au Yemen; idem. Social Organization...; idem. Les structures sociales et familiales. P. 39—54; Dostal W. Sozio-ekonomische Aspekte der Stammesdemokratie in Nordost-Yemen//Sociologus. 1974. № 24. P. 1—15; idem. Eduard Glaser — Forschungen im Yemen. Wien, 1990. P. 47—58, 175—223; Dresch P. The Position of Shaykhs... P. 39—41; idem. Tribes...; Abu Ghanim F. A. Al-bunyah al-qabaliyyah...; idem. Al-qabilah wa-l-dawlah fi l-Yaman. C. 229—251.*

³⁰ *Earle T. K. The Evolution of Chiefdoms//Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology. Cambridge, 1991. P. 1.*

³¹ *Dresch P. The Position of Shaykhs... P. 33.*

³² *Ibid. Ж. Шелход* насчитывает даже 14 племен, принадлежащих к этой конфедерации. См.: *Chelhod J. Les structures sociales et familiales. P. 57—58. См. также Stevenson T. B. Op. cit. P. 48.*

³³ См. *Gellner E. Op. cit.*

³⁴ *Fried M. H. The Notion of Tribe. Menlo Park, California, 1975.*

³⁵ *Korotayev A. Ancient Yemen. Chapter II.*

³⁶ *Service E. R. Op. cit. P. 103, 142, 145—146.*

³⁷ По крайней мере, в его нагорной части, ибо, возможно, уже в Средний период племенную организацию имело полукучевое население района ал-Джауфа, например, часть амиритов (*sʿbnʿsʿbnʿMRM*). См., например: *Ghul M. A. New Qatabani Inscriptions//Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1959. V. 22. P. 432; Robin C. La penetration des Arabes nomades au Yemen//L'Arabie antique de Karib'il a Mahomet. Nouvelles donnees sur l'histoire des Arabes grace aux inscriptions. Aix-en-Provence, 1991. P. 71—88.*

³⁸ *Fried M. On the Concepts of 'Tribe' and 'Tribal Society'//Essays on the Problem of Tribe. Seattle; L., 1967. P. 3—20; idem. The Notion of Tribe.*

³⁹ Если, конечно, под племенем понимать особую форму надобщинной политической интеграции, а не употреблять это понятие как синоним «вождества» или «общины».

⁴⁰ *Пиотровский М. Б.* Указ. раб. С. 8, 64, 69—70; *Chelhod J. L'Organisation sociale au Yemen; idem. Social Organization in Yemen; idem. Les structures sociales et familiales. P. 45—46; Hoefner M. Die Beduinen in den vorislamischen arabischen Inschriften//L'antica societa beduina. Roma, 1959. P. 53—68; Robin C. La penetration des Arabes nomades au Yemen; Wilson R. Gazetteer of Historical North-West Yemen in the Islamic Period to 1650. Hildesheim, 1989. P. 16; Wissmann H. von. Zur Geschichte... S. 181—183, 195—196, 403—406; idem. Himyar: Ancient History//Le Museon. 1964. V. 77. P. 493.*

⁴¹ Ср., скажем, несравненно более осторожную позицию по этому вопросу П. Дреша (*Dresch P. Tribes...*).

⁴² *Бауэр Г. М.* Сабейские надписи как источник для исследования поземельных отношений в Сабе «эпохи мукаррибов». М., 1964 (автореф. канд. дисс.). С. 19—20; *его же.* Термин *gult* в южноаравийской эпиграфике//Краткие сообщения Института народов Азии. 1965. Т. 66. С. 209—217; *Лундин А. Г.* Социально-экономические данные сабейских посвященных надписей периода мукаррибов Сабба//Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 96—120; *его же.* Государство мукаррибов Сабба (сабейский эпонимат). М., 1971. С. 233—245; *Коротаев А. В.* Родовая организация... С. 16—19; *Korotayev A. Ancient Yemen. Chapter III.*

⁴³ *Коротаев А. В.* Родовая организация... С. 16—19; *его же.* Некоторые общие тенденции...; *Korotayev A. Ancient Yemen. Chapter III.*

⁴⁴ *Dresch P. Tribes... P. 276—291.*

⁴⁵ См. *Mundy M.* Women's Inheritance of Land in Highland Yemen//Arabian Studies. 1979. № 5, P. 161—187.

⁴⁶ *Dresch P.* Tribes... P. 301.

⁴⁷ *Коротаяев А. В.* Родовая организация... С. 8—12; *Korotayev A.* Ancient Yemen. Chapter I; см. также: *Robin C.* Les hautes terres... V. I. P. 79; *Avanzini A.* Problemi storici della regione di al-Hada' nel periodo preislamico e nuove iscrizioni//Quaderni di semitistica. V. 14: Studi yemeniti. 1985. № 1. P. 86—87.

⁴⁸ Ср. *Dresch P.* The Position of Shaykhs...

⁴⁹ *Korotayev A. V.* Sabaeen Cultural Area in the 1st-4th Centuries AD: Political Organization and Social Stratification of the Sha'b of the Third Order//Studi Epigrafici e Linguistici. 1994. V. 11. P. 129—134.

⁵⁰ См. al-Hamdani al-Hasan. Kitab al-iklil. V. II. Baghdad, 1980. S. 328.

⁵¹ *Beeston A. F. L.* Kingship in Ancient South Arabia//Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1972. N 15. P. 257—258; *Ryckmans J.* Himyaritica (4)//Le Museon. 1974. V. 87. P. 500; *Robin C.* Les hautes terres... V. I.; *Пиотровский М. Б.* Указ. раб. С. 53, 69.

⁵² *Пиотровский М. Б.* Предание о хийяритском царе Ас'аде ал-Камиле. М., 1977; *его же.* Южная Аравия...

⁵³ Следует заметить, что государственный центр этот возник во многом благодаря прямой поддержке североеменских племен. См., например: *Gochenour D. T.* Towards a Sociology of the Islamization of Yemen//Contemporary Yemen... P. 1—15; *Dresch P.* Tribes... P. 167—173.

⁵⁴ Ср. *Коротаяев А. В.* Горы и демократия: к постановке проблемы//Восток. 1995. № 3.

⁵⁵ Сан'анскую равнину имеет смысл рассматривать в качестве именно такого исключения, которое только подтверждает правило, ибо именно Сана почти на всем протяжении последних двух тысячелетий служила главным оплотом государственных структур на Северном Нагорье. См.: *Serjeant R. B., Lewcock R.* San'a': An Arabian Islamic City. L., 1983; *Lundin A. G.* Sabaeen City San'a' in the 1st to 6th Centuries AD//Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia. Investigation and Conservation Problems. Moscow, 1988. P. 39—48.

⁵⁶ Согласно зейдитской доктрине налог с урожая зерновых не должен был превышать крайне умеренных 5—10% (в зависимости от типа земель). См., например: *Stookey R. W.* Op. cit. P. 88. Североеменским племенам в большинстве случаев удавалось добиваться поддержания налогообложения именно на таком предельно низком уровне. Не менее важным представляется и практически полное отсутствие внутриплеменной эксплуатации (см., например: *Dresch P.* Tribes... P. 276—319; *idem.* Imams and Tribes. P. 254).

⁵⁷ *Idem.* Tribes... P. 8—15; *idem.* Imams and Tribes. P. 256.

⁵⁸ *Dresch P.* Tribalism and Democracy//Chroniques Yemenites. 1994. V. 2. P. 65—66.

⁵⁹ *Давыдов А. Д.* Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М., 1993. С. 3—36.

⁶⁰ См., например: *Fried M. H.* The Notion of Tribe; *Коротаяев А. В., Оболонков А. А.* Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ//Сов. этнография. 1989. N 2. С. 36—45; *их же.* Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей//Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. М., 1990. С. 3—52

From Chieftdom to Tribe (a case of North-East Yemen)

In the North-East Yemen during the first millenium A. D. the institution of Chieftdom appeared as an immediate precursor of Tribe, rather than of State. However, it should not be seen as a degeneration or regress of the social organization. Moreover, it meant further development and complicating of this system.

A. V. Korotayev